

**ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СТАТЬЯХ О РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ ЖУРНАЛА «DER SPIEGEL»)**

А.В. Мишин

*Кандидат филологических наук, преподаватель немецкого языка
e-mail: futurum2006@yandex.ru*

Московский государственный университет геодезии и картографии

Предметом анализа в статье являются вопросительные предложения в материалах о России, опубликованных в журнале «Der Spiegel» за 2015 – первую половину 2018 гг. Особое внимание уделено риторическим вопросам, которые проанализированы в зависимости от положения (в начале, в середине или в конце публикации), конфигурации (дубитация), использования в статьях определенного жанра (риторические вопросы в ответах интервьюируемых под рубрикой «Spiegel-Gespräch»).

Ключевые слова: *языковой образ России, вопросительное предложение, риторический вопрос, конфигурация риторических вопросов, дубитация, вопросно-ответная форма.*

Российско-германские отношения имеют долгую, насыщенную событиями историю, на каждом из этапов которой в сознании немцев существовал свой образ России. Наиболее эффективным способом репрезентации образа «другой страны» является воссоздание его в СМИ. Материалом для анализа в рамках данной статьи послужили публикации о России за 2015–2018 гг. в журнале «Der Spiegel», который имеет статус леволиберального общественно-политического еженедельника и является самым значительным в Германии и одним из крупнейших в Европе. Издание еженедельника как аналога информационно-политических журналов «Times» и «Newsweek» было задумано в послевоенные годы в британском секторе оккупации [Орехова 2008: 101]. Известен авторитет «Der Spiegel» среди политиков, журналистов, писателей и рядовых читателей [Meier 1978: 103].

Репрезентируя образ России, авторы журнала используют комплекс языковых средств, среди которых особое место отводится экспрессивному синтаксису. Определяя экспрессивный синтаксис как «учение о построении выразительной речи, предметом изучения которой являются лингвистические основы экспрессивной речи» [Александрова 2008: 7–8], современные исследователи акцентируют большие возможности приемов названного раздела синтаксиса в создании образа. Активно используемым в СМИ синтаксическим средством являются вопросительные предложения.

Категория «вопроса» относится к числу философских [Гура 2017: 208–211]. Распространенность и способы вопрошания тесно связаны с конкретно-исторической эпохой. Не требует особых доказательств утверждение о том, что современные СМИ активно прибегают к различным видам вопросов во всех жанрах.

Роль и экспрессивный потенциал каждого из видов вопросительных предложений различны. Наиболее востребованными в СМИ являются риторические вопросы, то есть утверждения, высказанные в вопросительной форме для активизации внимания читателей. «Немецкий язык является языком с жестко регламентированным порядком слов в предложении, что формирует видение мира как образования, в котором превалирует рациональное начало, стремление к логичности, завершенности, точности» [Воронушкина, Семенчина 2015: 53]. Несмотря на это, немецкий язык имеет разнообразные средства для выражения скрытого смысла; к числу таких средств относятся и риторические вопросы.

Актуальность заявленной в статье темы определяется рядом обстоятельств, среди которых неослабевающий интерес немецких СМИ к России; важность понятия «другая страна» в современном медиадискурсе; значимость вопросительных предложений, в частности, риторических вопросов, в материалах журнала «Der Spiegel» о России; недостаточная изученность темы. Цель данной статьи заключается в выявлении образного потенциала вопросительных предложений в материалах журнала «Der Spiegel» о России. Задачи исследования таковы: определить значение вопросительных предложений в современных СМИ; выявить типы вопросительных предложений в публикациях журнала «Der Spiegel»; охарактеризовать роль каждого из типов в репрезентации образа России на страницах немецкого еженедельника.

В проанализированных нами статьях журнала «Der Spiegel» риторические вопросы, независимо от места нахождения (в начале, середине или в конце статьи), являются интенсификаторами темы, заявленной в заголовке.

Риторический вопрос, стоящий в начале статьи, мобилизует внимание читателя. «Was will Russland?» (Чего хочет Россия?) – так звучит первое предложение в статье «Putins Aggressionen» (Агрессии Путина) (Der Spiegel, 2016, №8) с подзаголовком «*Russland ist so stark, wie der Westen schwach ist*» (Россия так сильна, как слаб Запад). Хотя ответ в определенной степени звучит уже в заголовочном комплексе, риторический вопрос заставляет реципиента внимательно следить за развитием темы.

В остро критической статье «Putins Diktatordiplomatie» (Путинская дипломатия через диктаторов) (Der Spiegel, 2015, №39) риторические вопросы, расположенные на значительном расстоянии друг

от друга, акцентируют главную мысль и создают напряженность текста: «*Doch ist Putin nach seiner Annexion der Krim nun mit der Einmischung in Syrien tatsächlich erneut ein Coup geglückt?*» (Но Путину после аннексии Крыма теперь снова повезло и с вмешательством в Сирии?); «*Was aber treibt Putin an?*» (Что же ведет Путина?).

Ключевые моменты выражены в форме риторических вопросов и в статье «*Tanz oder stirb*» (Танцуй или умри) (Der Spiegel, 2016, №3). Они создают драматизм профессии танцора: «*Bei Ballerinen ist dann öfters zu beobachten, dass sie einen Verehrer heiraten und sich ins Private zurückziehen. Aber was wird aus den Männern?*» (Что касается балерин, то часто можно наблюдать, что они выходят замуж за поклонников и уходят в частную жизнь. Но что происходит с мужчинами?), а также конфликтную ситуацию в Большом театре: «*War es möglich, dass Dmitritschenko so etwas geplant hatte, ohne dass sein Mentor Ziskaridse, Filins Erzrivale, davon wusste?*» (Возможно ли это было, чтобы о планах Дмитриченко не знал его наставник Цискаридзе, заклятый враг Филина?).

Позиция журналиста может быть реализована в форме риторического вопроса, вынесенного в отдельную строку. В материале «*Der Riss*» (Разрыв) (Der Spiegel, 2018, №19) о проблемах современных российско-германских отношений многозначительно звучит отдельно стоящий вопрос «*Wie umgehen mit Russland?*» (Как обходиться с Россией?), корреспондирующий с названием статьи.

Эмоциональное напряжение тексту придает конструкция, в которой один из членов предложения повторяется в форме риторического вопроса, что используется в материале об участии России и других стран в сирийском конфликте «*Krieg und kein Ende*» (Война и нет ей конца) (Der Spiegel, 2018, №5): «*Glücklich, wer von ihnen es in die Türkei geschafft hat. Glücklich?*» (Счастлив тот из них, кто увез это в Турцию. Счастлив?) Журналист выражает сомнение в только что сделанном утверждении, что заостряет внимание читателей.

Риторический вопрос, заключающий статью, призывает читателя к размышлению и заставляет вновь обратиться к тексту. Журналист в данном случае не предлагает готового решения. Такой пример имеет место в материале «*Man lebt nur zweimal*» (Живем только два раза) (Der Spiegel, 2018, №23). Необходимо отметить, что в заголовке цитируется название фильма о Джеймсе Бонде 1967 г., таким образом присутствует аллюзия на шпионский характер происходящего. Статья освещает имитацию убийства русского военного корреспондента А. Бабченко спецслужбами. «*Danach aber war weitgehend Ruhe. Ein Eingeständnis, dass die ukrainischen Vorwürfe nicht aus der Luft gegriffen sind?*» (После этого, однако, все было спокойно. Признание того, что претензии Украины не взяты с потолка?).

В аналитических статьях журнала «Der Spiegel» распространен прием использования ряда риторических вопросов. Сочетание нескольких

риторических вопросов столь информативно, что даже один такой блок дает представление о проблематике статьи. «На функционально-семантическом уровне риторический вопрос... достаточно информативен, так как передает адресату информацию, при этом не эксплицитно, а имплицитным способом, тем самым повышая лаконизм речи и экономя языковые ресурсы» [Макарова 2019: 88].

Статья «Russlands Himmel» (Русское небо) (Der Spiegel, 2017, №8) представляет собой описание путешествия немецкой журналистки по России. Беспокойство людей о своей судьбе находит выражение в дубитации: «*Ob heute wieder ein größeres Unheil naht, von dem die Spannungen auf der Krim, die Kriege im nahen Donbass und auf der anderen Seite des Schwarzen Meeres nur ein Vorbote sind? Im Osten der Türkei, im Norden des Irak, im südlichen Kaukasus und überall in Syrien, selbst im Jemen, in Libyen und noch weiter entfernt – oder ist das bereits ein einziger großer Krieg?*» (Сегодня снова приближается большая беда, конфликты в Крыму, войны в Донбассе и на другом берегу Черного моря? На востоке Турции, на севере Ирака, на южном Кавказе и по всей Сирии, в Йемене, Ливии и многих других регионах – или это уже одна большая война?).

Дубитация достаточно полно раскрывает и проблематику статьи «*Sehnsucht nach dem starken Mann*» (Тоска по сильному мужчине) (Der Spiegel, 2018, №24), в которой анализируется феномен авторитарной личности правителя (Путин, Трамп, Эрдоган, Цзиньпин). «*Wie ist dieser globale Trend zu erklären? Sind die Autokraten so stark oder die Demokraten so schwach? Ist die liberale Demokratie nur ein Schönwettersystem, das lediglich auf der Basis von wachsendem Wohlstand und in relativ homogenen Gesellschaften funktioniert? Warum zweifeln so viele Menschen daran, dass sie die Probleme des 21. Jahrhunderts lösen kann, die Folgen des Klimawandels, der Digitalisierung, des demografischen Wandels, die Verteilung des Wohlstands?*» (Как объяснить этот глобальный тренд? Авторитарные настолько сильны или демократы настолько слабы? Либеральная демократия – это лишь система «хорошей погоды», которая функционирует только на основе растущего благосостояния и в относительно гомогенных обществах? Почему люди так сомневаются в том, что она может решить проблемы XXI-го века, последствия изменения климата, дигитализации, демографических процессов, распределения материальных благ?). Дубитация (здесь – четыре риторических вопроса) не только призывает читателей к размышлению, но и указывает направление размышлений, что, безусловно, является формой манипуляции, но в данном случае с позитивным эффектом. Журналист поднимает один из важнейших вопросов современной международной жизни – слабость демократии, что ведет к усилению авторитаризма.

Дубитация фраз в статье «*Ab in die Kurve, Kanzlerin*» (На фанатский сектор, канцлер) (Der Spiegel, 2018, №24), являющейся примером активной

политизации всех сфер жизни, в том числе и спортивной, ясно выражает неоднозначность современных российско-германских отношений и взгляд журналистов «Der Spiegel» на Россию. Рассуждая о возможном визите канцлера Германии Ангелы Меркель на чемпионат мира по футболу в Москве, автор задается следующими вопросами: «... *soll die Kanzlerin hinfahren? Sich auf die Ehrentribüne neben den Gastgeber setzen? ... soll sie wirklich?»* (Должна ли канцлер туда поехать? Должна ли сидеть на почетной трибуне рядом с хозяином? ... Она действительно должна?). Полемиическая тональность материала получает неожиданное разрешение: последний абзац статьи начинается с риторического вопроса «*Soll die Kanzlerin also auch reisen?»*, уже звучавшего, после которого следует ответ: «*Ja. Es wäre ein Bekenntnis, dass Deutsche und Russen gerade wegen Putin auf Freundschaft angewiesen sind*» (Да. Это было бы признанием того, что немцы и русские, несмотря на фактор Путина, нацелены на дружбу).

В остро критических материалах дубитация отличается такой четкостью и точностью, что сравнима с вопросами в процессе расследования правонарушения. «*Wann und wo wurden die Aufnahmen gemacht? Unter welchen Umständen? Welche Person spricht da? Welche Mittel gemeint?»* (Когда и где были сделаны снимки? При каких обстоятельствах? Что за человек здесь говорит? Какие средства подразумевались?) (Der Spiegel, 2016, №3) – эти вопросы сформулированы в статье «In der Unterwelt» (На дне) о допинговом скандале, фигурантами которого были и российские спортсмены, в частности, легкоатлеты Юлия и Виталий Степановы. У читателя создается впечатление, что журналист действительно хочет разобраться в ситуации и не выносить голословных обвинений в адрес России.

Эффект дубитации усиливается в том случае, если в вопросах использованы средства художественной выразительности. Такой пример имеет место в статье «Schokolade auf den Jungferninseln» (Шоколад на Виргинских островах) (Der Spiegel, 2016, №15): «*Aber wie glaubhaft ist ein solcher Plan in Ländern, in denen Korruption zum System gehört wie der Mond zur Erde? Wo sich Oligarchen mithilfe der Staatsmacht auf himmelschreiende Weise bereichern dürfen? Und in denen deswegen selbst einfachste wirtschaftliche Entscheidungen kunstvoll verschleiert werden?»* (Но насколько вероятен подобный план в странах, где коррупция соотносится с системой так же, как Луна с Землей? Где олигархи с помощью власти могут обогащаться в неслыханных, чудовищных размерах? И в которых даже простейшие экономические решения искусно маскируются?). Выразительное сравнение нерасторжимости коррупции и власти в ряде стран, куда авторами статьи включена и Россия, с извечным и наглядным присутствием рядом с Землей ее спутника Луны поддерживается и во втором вопросе прилагательным *неслыханный* в словосочетании

в неслыханных размерах. Подобное сравнение, глубокое, но понятное, достигает большего эффекта, чем пространные рассуждения.

В статьях немецких журналистов о России дубитация может выполнять функцию несобственно прямой речи, когда голоса автора и героя, занимающих сходные позиции, сливаются. В такой форме, в частности, выражено отношение журналиста «Der Spiegel» к российскому оппозиционеру Алексею Навальному в статье «Das System Putin» (Система «Путин») (Der Spiegel, 2018, №10): *«Es wurde ein typischer Nawalny-Auftritt, weniger eine Rede als ein Zwiegespräch. Nawalny stellte lauter Fragen: Wie viel verdient ihr? Wie viel zahlt ihr für Heizung und Wasser?»*

«Wo ist das ganze Geld des Kusbass? Wollt ihr das alles so?» (Получилось типичное выступление Навального, больше диалог, чем речь. Навальный громко задает вопросы: Сколько вы зарабатываете? Сколько вы платите за отопление и воду? Где все деньги Кузбасса? Вы всего этого хотите?)

Несобственно прямая речь в форме дубитации имеет место и в публикации «Angst vor dem Vakuum» (Страх перед вакуумом) (Der Spiegel, 2016, №49), автор которой характеризует позицию участников минских переговоров, в том числе А. Меркель и В. Путина: *«Und der Minsker Prozess? Das Normandie-Format? Wird es solche Vierertreffen in Zukunft überhaupt noch geben? Das, sagte Außenminister Steinmeier in Minsk, sei eine «gute Frage»* (А Минский процесс? Нормандский формат? Состоятся ли в будущем вообще встречи Четверки? Это, сказал тогдашний глава МИД Ф.-В. Штайнмайер в Минске, «хороший вопрос»). Журналист выражает сомнение в эффективности переговоров; риторические вопросы, тем более звучащие в концовке статьи, передают это настроение и читателям.

Несколько дубитаций в статье может трактоваться как ее краткий конспект: таковы материалы «Schokolade auf den Jungferninseln» (Der Spiegel, 2016, №16), «Aufgewacht» (Der Spiegel, 2017, №14), «In der Unterwelt» (Der Spiegel, 2016, №3). Эмоциональный тон последней статьи, посвященной протестным движениям в России, задается в первых строках, которые представляют собой дубитацию: *«Mama, hast du heute schon was vor? Kannst du mich eventuell auf dem Polizeirevier abholen?»* (Мама, у тебя на сегодня есть планы? Может, ты заберешь меня из полицейского участка?). Эти слова столь точно характеризуют участников (среди них было много подростков и молодых людей до 18-ти лет) весенних (2017 г.) оппозиционных выступлений в России, что могут рассматриваться как символ. Вторая дубитация в статье связана с деятельностью и личностью Навального: *«Ist Präsident Wladimir Putin womöglich nicht so populär? Und wer ist der Oppositionsführer Nawalny, der Mann, der – in den gehässigen Worten des bekannten Talkshowmoderators Wladimir Solowjow – «unschuldige Seelen im Kessel seiner politischen Ambitionen verfeuert?»*

(Президент Владимир Путин не столь популярен, как кажется? И кто такой оппозиционный лидер Навальный, человек, который – цитируя злобные высказывания известного телеведущего Владимира Соловьева – «бросает невинные души в котел своих политических амбиций»?). Таким образом, в дубитациях находят осмысление две ключевых позиции любого общественного движения: его участники и его лидер.

Большими манипулятивными возможностями обладает прием дубитации, заключающий статью. В материале «Die Achillesferse» (Ахиллесова пята) (Der Spiegel, 2016, №8) о войне в Сирии этот эффект усилен тем, что вопросы представляют собой цитату из бульварной, по определению немецкого журналиста, газеты «Комсомольская правда»: «*Man möchte Merkel fragen: Teilen Sie die Werte Erdogans? Sind Sie begeistert über die vielen Journalisten, die im Gefängnis sitzen?*» (Хотелось бы спросить Меркель: Вы разделяете ценности Эрдогана? Вы в восторге от множества журналистов, сидящих в тюрьме?).

Вопросительные предложения являются многофункциональными единицами языка: кроме собственно вопроса, заданного с целью отрицания, утверждения или побуждения, они могут быть риторическими, а также входить как составная часть в вопросно-ответную структуру, которая активно используется авторами статей о России. Вопросно-ответная форма, напоминающая диалог и зачастую выделенная графически, привлекает внимание читателей. В системе риторических вопросов А.А. Карамова и В.М. Силантьева выделяют так называемый вопросно-ответный ход, считая его самым распространенным видом риторического вопроса [Карамова, Силантьева 2016: 169].

В статье «Aufgewacht» (Пробуждение) (Der Spiegel, 2017, №14), анализируя оппозиционную деятельность Алексея Навального, автор несколько раз обращается к названному приему: «... *das Problem der Krim? Nawalny hat eigentlich eine klare Haltung dazu...*» (Проблема Крыма? Навальный имеет четкую позицию по этому поводу...); «*Hat er so viele Leute erwartet? So viele Leute – ja. Aber nicht so viele Städte*» (Ожидал ли он так много людей? Так много людей – да. Но не так много городов).

Вопросно-ответная форма, завершающая статью, придает публикации особую законченность. Именно такое впечатление производит концовка статьи о коррупции в мировом футболе, в том числе и в российском: «*Denn das Spiel ist aus. Für Blatter, für die Fifa, so wie wir sie kennen und hassen gelernt haben. Aber für den Fußball? Niemals*» (Потому что игра закончена. Для Блеттера, для ФИФА, так как мы ее узнали и возненавидели. А для футбола? Никогда) (Der Spiegel, 2015, №23). По мнению С.С. Котовской, с помощью частицы *denn* в немецком языке выражаются «чаще всего сильные негативные эмоции – недовольство, злость, возмущение...» [Котовская 2017: 144].

В вопросно-ответной структуре может использоваться не один вопрос, а дубитация, что усиливает экспрессивность звучания. В статье «Putins Diktatordiplomatie» (Путинская дипломатия через диктаторов) (Der Spiegel, 2015, №39) читаем: «*Doch ist Assad, gemessen an diesen Kriterien, ein Gesprächspartner für den Westen? Und was würden solche Gespräche bringen? Dafür muss man ein wenig zurückgreifen*» (Является ли все же Асад, если судить по этим критериям, собеседником для Запада? И что принесут подобные разговоры? Давайте немного вернемся назад).

Особого рассмотрения требует использование вопросительных предложений в материалах о России, помещенных в рубрике «Spiegel-Gespräch» и близких к ней. Речь идет об употреблении вопросов в ответах интервьюируемых.

В некоторых эпизодах ряда интервью журналист и его собеседник словно меняются местами: высказывание журналиста облечено в форму повествовательного предложения, а ответ начинается с вопроса. Такой пример находим в интервью «Wie man Frieden sichert» (Как укрепляют мир) (Der Spiegel, 2015, №14) с экс-канцлером Г. Шрёдером. Журналист заканчивает свое высказывание предложением «*Da war der Konflikt mit dem Westen doch angelegt*» (Тут все же был создан конфликт с Западом); ответ Г. Шрёдера имеет следующую форму: «*Warum? Wir Deutschen haben wesentlich dazu beigetragen, dass Russland in die G-7-Gruppe aufgenommen würde...*» (Почему? Мы, немцы, приложили много усилий, чтобы принять Россию в Большую Семерку...).

В одном из эпизодов интервью Г. Шрёдер задает вопрос: «*Außerdem: Was bewirkt ein solcher Ausschluss*» (Кроме того, какие последствия несет подобное исключение из состава?), а журналист на него отвечает: «*Es ist ein Zeichen an Putin*» (Это знак Путину). В подобных ситуациях более отчетливо высвечивается личность интервьюируемого. Мнение такого известного политика и дипломата, как Г. Шрёдер, крайне важно и для журналистов, и для читателей. Многолетний опыт общения с российским руководством дает право Г. Шрёдеру в определенные моменты самому направлять ход беседы.

Безусловно, информативным собеседником для журнала «Der Spiegel» является биограф российского президента В. Путина немецкий ученый Х. Зайпель, который, как и Г. Шрёдер, может задать вопрос в ответ на повествовательную реплику журналиста: «*Was hätte er denn sonst tun sollen? Auf dem Krim verteidigte er die Interessen...*» (А что он должен был бы делать? В Крыму он защищал интересы...). В отдельных репликах Х. Зайпель использует вопросно-ответную форму, создавая как бы мини-интервью: «*Er weiß, was gute Klamotten sind und was gutes Essen ist, aber er hat keine vergoldeten Feuerzeuge. Hat er imposante Banknoten? Keine Ahnung*» (Он знает, что такое хорошая одежда и хорошая еда, но у

него нет позолоченных зажималок. Есть ли у него внушительные суммы? Не знаю).

К вопросно-ответной форме прибегает дающий журналу «Der Spiegel» интервью бывший министр иностранных дел Германии Й. Фишер (Der Spiegel, 2018, №21). Интервью носит название «Der amerikanische Präsident zerstört die amerikanische Weltordnung» (Американский президент уничтожает американский мировой порядок), однако в беседе идет речь о различных аспектах мировой политики, в том числе о роли России в современных международных отношениях. Ответ на вопрос, касающийся позиции Германии по отношению к России, Й. Фишер начинает с вопроса «*Also statt Verteidigungsfähigkeit Unterwerfung?*»

Через несколько предложений в этом же блоке используется еще одна вопросно-ответная форма: «... *Sind wir bereit zu akzeptieren, dass Russland seinen Großmachtstatus über Einflusszonen bekommt? Wenn die Nationalisten in Europa wieder Einflusszonen definieren, landen wir in des Teufels Küche*» (... Готовы ли признать, что Россия получит статус великой державы над зонами влияния? Если националисты в Европе вновь определяют сферы влияния, мы окажемся в аду). Подобная структура создает напряженность в тексте и демонстрирует читателю процесс размышлений интервьюируемого. Мнение о России становится более доказательным.

Анализируя употребление риторических вопросов в политическом дискурсе, Т.Н. Шкляева указывает на значение личности говорящего. По мнению исследователя, риторический вопрос «в речи решительного аргументатора – это не просто экспрессивно произнесенная фраза, это безапелляционный императив» [Шкляева 2010: 167].

Риторические вопросы в ответных репликах интервьюируемого могут свидетельствовать об ораторских способностях личности. Таковыми, безусловно, обладает З. Габриэль, занимавший до начала 2018 г. пост министра иностранных дел Германии и за исследуемый нами период (2015–2018 гг.) не раз выступавший собеседником журналистов издания. В интервью «Eine Welt von Fleischfressern» (Мир мясоедов) объектом критики в котором является и Россия, З. Габриэль трижды обращается к приему дубитации, обозначая тем самым ключевые положения. Рассуждая о деятельности либеральных демократов в Европе, З. Габриэль задается следующими вопросами: «... *Was bringt dies oder jenes an Wohlstand? Was bringt es an Stärke, an Technologie, an politischem und militärischen Einfluss?*» (Что приводит тех или других к благосостоянию? Как достигаются сила, высокие технологии, политическое и военное влияние?) (Der Spiegel, 2018, №3). Дубитация в данном случае усилена приемом анафоры („Was bringt...“), что расширяет эмоциональный диапазон восприятия текста.

Обсуждая с журналистом проблемы Европы и ее взаимоотношения с другими регионами мира, З. Габриэль вновь использует дубитацию, усиленную анафорой: «*Warum baut Europa in Afrika keine Infrastruktur, sondern überlässt das China? Warum schaffen Aufbau in den osteuropäischen Nachbarstaaten im Balkan voranzutreiben, und überlassen diese Länder dem wachsenden Einfluss von Russland?*» (Почему Европа не строит в Африке никакой инфраструктуры, а вместо этого передает это Китаю? Почему не способствуем прогрессу в соседних восточноевропейских государствах на Балканах и передаем их под растущее влияние России?)

Обеспокоенность З. Габриэля судьбой Европы, статусом европейских – гуманистических – ценностей в мире «поедающих мясо», к которому он относит и Россию, заставляет немецкого политика и дипломата максимально наглядно выразить свои взгляды, и он вновь прибегает к приему дубитации: «*Ist das in unserem Interesse? Und sichern wir damit westliche Werte in der Türkei oder wenigstens bei uns?*» (Это в наших интересах? Мы упрочим тем самым западные ценности в Турции или, по крайней мере, у нас?).

В прессе вопросительные предложения не только активизируют внимание читателя, но и демонстрируют процесс размышлений журналиста. Вопросительные предложения активно используются авторами материалов о России в журнале «Der Spiegel», которые представлены в большинстве рубрик издания: «Ausland», «Wirtschaft», «Deutschland», «Kultur», «Sport», «Spiegel-Gespräch», «Aussenpolitik», «Leitartikel». С помощью вопросительных предложений немецкие журналисты создают образ России, обозначая злободневные проблемы страны во внешней и внутренней политике и выражая отношение к ним. Наиболее востребованными оказываются риторические вопросы. «Являясь фигурой экспрессивного синтаксиса, риторический вопрос взаимодействует с целым комплексом языковых средств различных уровней – лексических, грамматических, просодических – для достижения коммуникативной цели обобщения, побуждения, оценки и т.д.» [Котовская 2017: 143]. Различные конфигурации риторических вопросов дают возможность авторам публикаций сформировать важные составляющие языкового образа России.

Библиографический список

Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 2008. 211 с.

Воронушкина О.В., Семенчина Е.Н. Риторический вопрос как средство актуализации скрытых смыслов // Сборник конференций НИЦ Социосфера. 2015. №45. С. 51–58.

Гура А.Ю. Категория «вопроса» в западной философии 19–20 вв. // European Research. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции. 2017. С. 208–211.

Карамова А.А., Силантьева В.М. Риторический вопрос и риторическое восклицание в современном политическом дискурсе // Инновационная наука. 2016. №3-3. С. 168–170.

Котовская С.С. Функции частицы. DENN в риторическом вопросе // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. 2017. Т.1, №2 (10). С. 142–146.

Макарова М.Е., Черкасова Е.В. Обзор теоретических подходов к определению и коммуникативному назначению риторического вопроса // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2019. № 1-1. С. 85–88.

Орехова О.Е. Печатные СМИ Германии в условиях социально расколотого общества. М., 2008. 158 с.

Шкляева Т.Н. Функционирование риторического вопроса в политическом аргументированном дискурсе (на примере выступлений российских политиков): коммуникативно-прагматический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №13 (194). Филология. Искусствоведение. Вып. 43. С. 167–171.

Meier H., Schneider F., Schmolders G. Politische Sprache. Medienkommunikation und Manipulation. Köln, 1978. 54 S.

Список источников

Der Spiegel. 2015 (№14, 23, 39) , 2016 (№3,8, 15, 16, 49), 2017 (№8, 14), 2018 (№ 3, 5, 10, 19, 21, 23, 24).